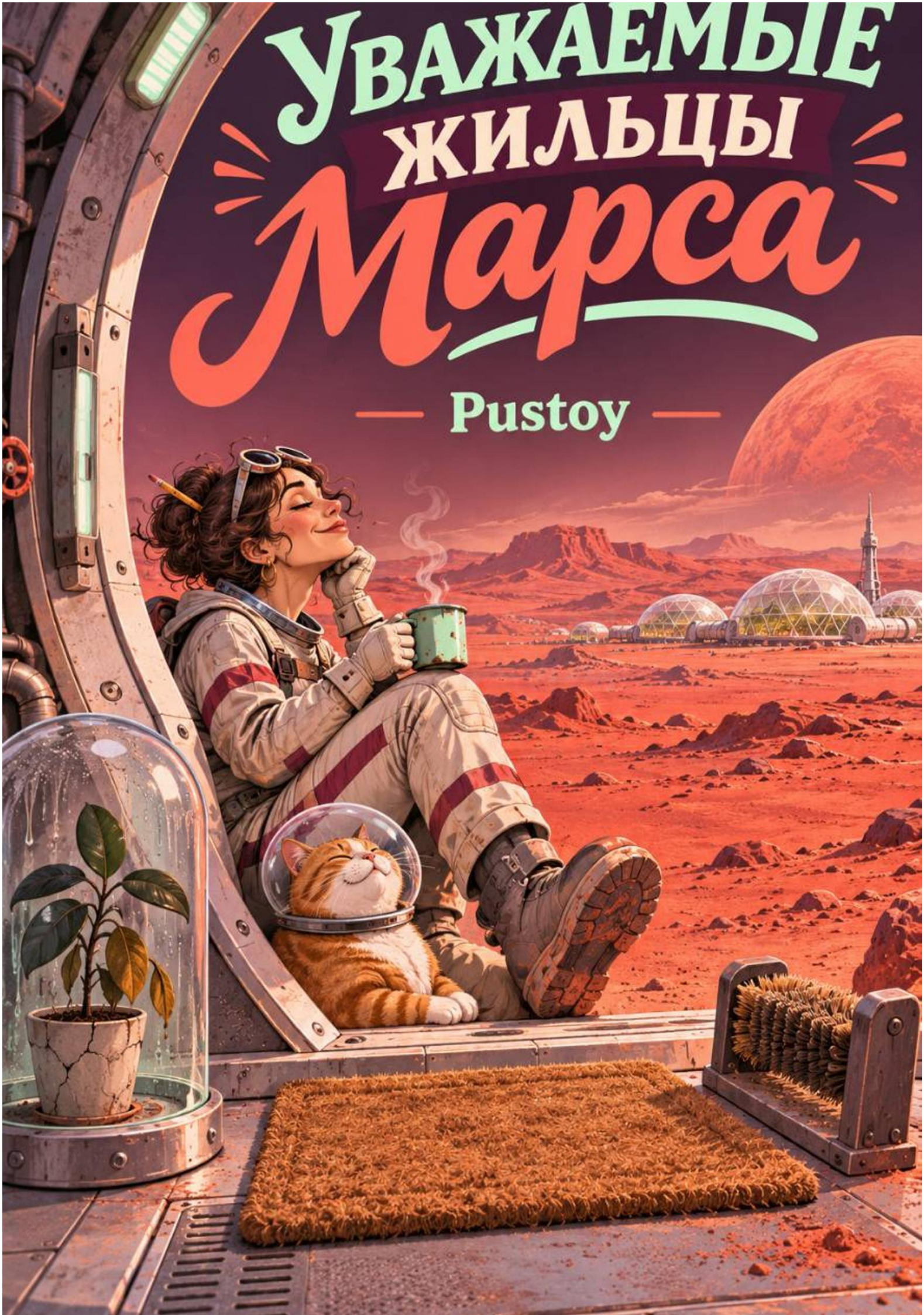
Уважаемые жильцы Марса

Pustoy



Pustoy

Уважаемые жильцы Марса

«Автор»
2026

Pustoy

Уважаемые жильцы Марса / Pustoy — «Автор», 2026

На 196-й сол жители первой марсианской колонии получают счёт за воздух в собственном дворе. По 4,80 с квартиры. Квартирмейстер Аглая Ковтун пытается понять, как один общий двор оказался поделённым на сто восемьдесят частных долей. У пекаря здесь утренняя стойка, у старого настройщика — любимый стул, у дочери Аглаи — школьный микрофон и разговор с отцом, который ждёт её на Земле. Через две недели жильцам придётся решить, кому достанется двор. Пока же у каждого есть что ответить на письмо со словами «Уважаемые жильцы Марса!».Текст романа и иллюстрация обложки созданы с помощью искусственного интеллекта.

© Pustoy, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. К оплате 6
Глава 2. Место К-14 10
Глава 3. Мой клочок 14
Глава 4. Между звонками 18
Глава 5. План со штампом 22
Глава 6. Чашка на подоконнике 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Pustoy
Уважаемые жильцы Марса

Pustoy
Уважаемые жильцы Марса

Глава 1. К оплате

Извещение № 001. Сол 196, 06.12 местного времени. Доставка в жилые кабинеты завершена. Получателей по реестру — 180.

Уважаемые жильцы Марса!

В соответствии с назначением помещений второй секции вашему жилищу начислена квартальная доля расходов на изготовление дворового воздуха. К оплате 4,80 расчётной единицы. Расчёт произведён независимо от числа зарегистрированных на жилой площади лиц. Благодарим за своевременное исполнение обязательств.

Местом получения услуги считается помещение № 0. Объём поставленной услуги соответствует нормативу на полный внутренний двор. Лицам, не имевшим физической возможности находиться во дворе в течение девяноста суток подряд, надлежит обращаться к квартирмейстеру.

Для исправления имени, изменения адреса или отказа от получения печатной копии письма поставьте отметку в нижнем поле. В связи с исчерпанием квартального лимита бумаги письма с указанием об отказе от печатной копии временно будут отправляться только в печатном виде.

Квартирмейстер колонии «Ладная» Аглая Сергеевна Ковтун. Копия подписи.

* * *

Моей маме. Записка под сахарницей. До школы.

Ма, папа спрашивает, когда тебе можно написать насчёт меня. Я ответила, что я про себя могу и сама почту читать. Он попросил всё равно спросить. Я спросила.

У меня до среды взят школьный микрофон с красной полоской. Не ставь на микрофон банку с вилками. В понедельник банка звучала лучше, чем Маруся читала номера кабинетов, а папа всё равно её не узнал. Про деньги люди пока смеются, но Ида сказала, что ей не хочется рожать у себя на лестнице, задыхаясь от мыслей о квартплате. Я объяснила, что задыхаться будет бесплатно. Ещё в этой книге про земную историю никогда не было главы «Когда Ульяна вышла из дома, она взяла учебник», а ты её вчера сама написала на моей ладони и велела не смывать. Сегодня дежурим у крыльца. Саша Паль просит, чтобы наш школьный голос опять открывал утро, и я сказала да. Ты была против, потому что я по радио обещала людям сухой пол. У нас уже два дня пол сухой, мам.

Если дочитала, меня в доме не ищи, я у Саи. Уля.

Подписано позже: не «крыльцо», а «помещение ноль», я знаю разницу и буду говорить как удобно.

* * *

Журнал квартирмейстера. Оборот листа ремонта 73. Сол 196. Записано от руки, утром.

06.30. На дверях кабинета уже висел мой домашний половичок. Тот самый, с вышитым трамваем с одним круглым глазом, что мы с Семёном купили друг другу вскладчину на второй год брака. Выяснить, кто снял с порога и сюда повесил. Мои тапочки на месте. В окошке для срочных обращений господин Гаевой. Пришёл уточнить, можно ли вернуть изготовленный мной утром воздух, не вынимая его из фирменной упаковки. Сам держит перед окошком настоящую стеклянную банку. Очень хорошо ему, сидя в семьдесят четыре года с пустой банкой у моего окошка, с бритым подбородком и подтяжками в цвет сегодняшней планеты. Он бывший настройщик. На пианино его в «Ладной» пока денег нет, четыре раза предлагал сам свой труд по его изготовлению, просил только доставить струны. Принесут когда-нибудь. Обязана была записать: «Отказано в связи с отсутствием физической упаковки». Сказала: «Не душите мошку, у вас в банке летает». Он даже крышку свинтил. «Хотел бы я поглядеть на подоб-

ного квартирмейстера в моей дореволюционной гостинице», — сказал он. Когда это гостиница успела пережить революцию? Он останавливался в ней в 2058-м, в командировке от оркестра.

06.45. Отдел по планированию перезвонил: уведомления «об изготовлении» получены всеми, это текст земного бланка. Четыре восемьдесят у каждой квартиры, у меня тоже. Всего восемьсот шестьдесят четыре. Запрещаю себе смеяться первой. Вся смета была вчера в присланном на подпись листе: питание/обслуживание, воздух, отопление, освещение. Приписка со словом «дворовый» прописными. У всех были обыкновенные субботние заботы. Я получила лист вместе с двумя разрешениями на сушку робы в проходной и настоящим, чётко проведённым углём отпечатком босой ноги поперёк плана комиссии. Его заметила, а «дворовый» нет.

07.05. Чистое объявление на двери. Наш двор находится внутри общего жилого корпуса. Дышат все жильцы бесперебойно. Эта строка предназначена для покрытия расходов на поддержание в комнате температуры, влажности и вентиляции. Оплаты личного дыхания в «Ладной» не вводится. Унесла в мастерскую, пока не рассмеялась. На воротах в зал поставили стенд с надписью: «А если я пыхчу?», автор не стесняется и завтра вполне может подписаться по просьбе родителей.

07.40. Получено предложение продать общий воздух с ароматом сирени по 4,90. Шутка. От больного в двенадцатой квартире пришёл серьёзный гневный ответ, что сирень — запах его лопнувшего аппендикса, который на Земле удаляли на первом этаже дома с огромным кустом под окном. Человеку семьдесят один, он впервые за год вышел в свою комнату в домашних ботинках и вдохнул тот самый запах. Уведомить обоих отдельно: ароматы не предусмотрены. Второй телефонным голосом сказал спасибо. Он здесь остался, чтобы дочь сэкономила год на техническом испытании. У дочери очень хорошо выходит экономить время. Надо у Ули спросить, перенесла ли она обед с восьмого стола под радиомикрофон, вчера записала, на листке с её тетради. Вечернее добавление: не лезь в школьный обед, женщина.

08.10. Шесть человек таким извещением сегодня не охвачены. Центр сообщает: письмо квартирное, есть лишь сто восемьдесят законных кабинетов. Людей — сто восемьдесят шесть. Надо до завтра точно понять, кому ничего не пришло. Я бы не писала «не охвачены», если бы не было половины восьмого на снятых со стены часах и соседского кота, которого мне привели за шкирку выяснять, полагается ли ему доля корпуса, где он засыпает.

08.15. Половичок вернул Лев Гаевой. Сняла моя дочь, чтобы под дверью у писем появился свой порог. Половичок не намок. Я, быть может, всё ещё неплохая мать.

* * *

От Мити Деревцова. В окошко заявок квартирмейстера. Продиктовано с голоса по просьбе жителя, родной у нас один язык, а почерк у меня такой, что никого в нём за руку не поймаешь.

Вы меня в глаза знаете. Как вы утром входите в переход от корпуса снабжения и видите три сухие полосы возле красной дорожки — это я вымыл пол. Четвёртую полосу, обычно мокрую, за ночь накатывает порожек, сколько его ни шлифуй. Когда я в тёмно-синем халате с наушником — это тоже я, только из третьей очереди ухода. Тот, кто меряет температуру, может в свободное время мыть пол. Мама у меня могла что угодно делать, только пока сын работает медбратом, ей всё-таки полагается иметь знакомого начальника в белых штанах. Она домашним в тот раз сказала про наушник. Пол прячет. Я не возражаю. Сам кое-что от неё прячу.

Я сплю в комнате с крючком на цепочке. Это если после дежурства, на краю бытовой. Там кровать, серая занавеска с несуществующим окном, полка над головой. У меня на ней три вещи, когда ложусь: сумка для еды, сухая кожа для рабочих ботинок и волчок из бывшего термодатчика. Когда не я сплю, там спит Галка Берс, когда не Галка, там новой воспитательнице можно прилечь до прихода её смены. Подушку мы каждый просушиваем свою и ночами в люди не выносим. У меня никогда не было своего кабинета даже для квартальной квитанции. Наш мастер говорит, потому что я счастливый человек и двором на Марсе так могу дышать. Я

проверил, у входа в помещение ноль табло говорит «Доброе утро». У человека с квартирной долей та же история? При входе две реки воздуха, на разные цены, не сходятся?

Я к вам пришёл, собственно, про другое. Если будет собрание тех, у кого квитанция, я приду тоже? Я с четырёх до шести у стульев завтра, могу поставить их. Если буду просто ставить стулья, можете не писать, я всё равно их поставлю. Если там можно будет сказать, куда я свои рабочие сапоги утром ставлю и сколько двора они на самом деле занимают, скажите теперь. Мне день с Галкой менять нужно. И про самого себя ещё одну строчку. Когда сюда ехал, всем написал, что «дом получил». Поэтому можно мне бы разок попытаться думать, что он у меня всё ещё есть, хотя и сплю то я, то Галка, то пустое место, а в документах не упомянут.

С уважением, Митя Деревцов. Для ответа домашнего адреса нет, есть обычная служба, смена 11, медпункт и под подносом у Саи моё третье расписание.

* * *

Письмо Саиды Юсуповой к подруге. Ушло внутренней почтой, двенадцать шагов по левому краю двора. Личное.

Аглая, ты, главное, сейчас не вздумай перенести приём к моей сковороде. Я тебя очень люблю, но сковорода рождена, чтобы её хлопала моя рука в жёлтой рукавице. Идея постоять у неё с документацией и глядеть, как у людей вылетают из карманов квитанции, принадлежит тебе, и столовому жиру от неё радости нет.

Ты помнишь земную станцию перед посадкой и женщину, которая просила выдать ей уже сейчас ключи от её коврика? Она была из Казани или из Оша, ушла из очереди, потом пришла опять, всё не решалась отправить ящик с весами без ключа от коврика. Коврик она сама вышивала нитками из потреблённых футболок. Коврик нужно было в корабле свернуть и убрать в личную поклажу. Не помню, у неё тогда мать сидела больная или незнакомая полная сестра, но коврик ей клали на колени и держали уголок, пока она двигалась. Ты у своей гостиничной связки сняла тонкую пластину, закрыла на неё багажную стяжку и написала на картонке «М.» фиолетовым карандашом. Она села к нам на корабль. Она целый месяц думала, что у неё есть ключ от коврика, и каждый, кто видел её ключ, считал тебя умницей.

Где она сейчас, как звали, тебя интересует? Её зовут Асият. Собственно говоря, я ей полчаса назад ставила капусту в горшочке под выдачу. Когда увидела сегодняшнюю бумагу, она вынула из кошелька именно ту твою бумажку «М.» и положила мне, как деньги. Она здесь пока в квартире племянницы, ей казалось, что как только позднее сделают лифт на вторую сторону, получит в другой комнате место: снова можно расстелить коврик, будет куда смотреть, пойдёт слышать местную школу ближе осени. «М.» на картонке не Москва, не Марс. Это маме. Мать её умерла ещё на корабле в последнюю свободную субботу. Эту картоночку Асият держит на рабочем переднике, в кармане, куда обычно кладут деньги. Мне предъявила потому, что у нас тут ещё не всё куплено и не всё продано. Сделай, пожалуйста, на стенде объявление, что никакие старые личные бумажки не нужно сюда нести для оплаты.

Я не совсем родная тебе сестра и не хочу слушать в ответ про производственное управление, которое само всё решает. Помнишь, я тогда сделала самую первую тебе лепёшку? Мука с двумя привкусами. Лучше всего разжевать один вкус испорченной муки, говорила ты, а второй оставить себе на потом, когда забудешь, почему на Марс из любопытства не летают. Теперь лепёшки делают уже нормальные, как будто из местной муки выпустили человека, две недели сердившегося на свет. В шесть утра у меня в очереди уже стояли четыре человека, которые собирают свой воздух до конца отчётного периода. Ни один не просил у меня лепёшки в долг вместо настоящих денег. Этих я и люблю кормить в первую очередь. Повесь записку покрупнее.

Сая. Для тебя всё ещё «Сая, а можно мне горбушку на пробу», даже когда у меня вся партия лепёшками. Только сама зайди, когда сможешь.

* * *

Исправление к объявлению школьного узла. По ведомости сола 196. Ульяна Черкасова, 12 лет, редактор дежурного выпуска.

Жильцов, которые заняты изобретением способов дышать не всех денег стоит, на радио не приглашают, у нас сегодня нет места. Завтра после трёх ставим стулья в проходе в месте К-14. Школьники будут там записывать, как звучит двор. За голоса мы обещали не брать денег. А вот у кого можно спросить, какие у него на Земле были в окне звуки, пусть придёт, мы дадим в микрофон договорить целое предложение. Без разрешения никого никуда не отправляем.

Ребята. Папа мне тоже, например, шлёт через всю дыру от нашей крыши до его дома такое, что у мамы лицо становится как табличка в лифте. Предлагаю сейчас не показывать в подборке, как ваши мамы проверяют вам сменные штаны. И не ставить мой сегодняшний выпуск в такую рубрику. Я видела, кто уже написал мелом. Не понравилось.

На обороте от школьного выпускающего: «Уля, ты хотела написать „которые изобретают способы дышать бесплатно“?»

Там же, карандашом: «Оставь как сказалось. Я попробую завтра лучше».

Глава 2. Место К-14

Лев Николаевич Гаевой — на ящик Саиды Юсуповой возле вывески «Открыто с шести». Записано в сол сто девяносто седьмой, пока каша ещё не сварилась. В заголовке просьба оставить одну букву «К» и обе цифры.

Многоуважаемая Сая,

я ваш первый покупатель, если помните. Ещё с Земли везли в коробке первую бледную лепёшку, поделили на двадцать кусочков и подали в честь основания столовой. Мне достался двадцать первый кусочек: кто-то вздумал купировать мою естественную улыбку и отщипнул мне от своего. Я до сих пор эту раннюю честь берегу. Поэтому к вам напрямую и без нашего галантного руководства. Я понимаю, почему принесли сюда прогулочную коляску. У Иды Линь осталось не так много дней. Она так передвигается по вашему двору, будто дитя у неё уже на плече верхом сидит. Моё старое кресло вы поменяли местами с коляской. До стула теперь от моей двери двадцать шагов, а было двенадцать. У меня сегодня на расписании девять ремонтных адресов, и я, как старый идиот, на каждый отдельно по большому двору иду. Прежде я уставал ровно у стула, а сейчас возле коляски. Скажите мне по вашей кулинарной совести, буду ли я выглядеть спящим младенцем, если с опорой, в полном пальто, с ящиком для ремонта сяду в эту сторожевую коляску?

Она стоит под самым воздухораспределителем. Туда наш двор дует тёплым. Вы правильно подумали про Иду и маленького. В соседней бабушкиной квартире у нас на Земле была коляска, в неё ставили капусту на один вечер. Утром один человек брал её целиком, вместе с капустой и всеобщей нежностью, и вёз, куда ему положено. Не в данном случае. В данном случае я прошу поставить мой стул обратно и поискать для коляски место, из которого я его ещё на сантиметр вправо спихнуть смогу сам, хотя бы только ради толщины своей палки.

О том, что ваша неимоверная чашка стоит не 4,80, потому что она полная, говорить вам едва ли стоило, а я всё же говорю. Заблудился ваш длинный кассовый карандаш. Возвращаю. Небольшая вмятина по центру — не моё. Я со времени полёта ни одного вашего карандаша не грыз. Были бы уж деревянные, тогда может быть.

С признательностью, Лев.

* * *

Выписка из сообщения Саи — Льву. Приклеено полоской тёмного пластыря к правой ручке коляски. Время 07.32.

Уважаемый Лев Николаевич!

За всех женщин сразу переставлять коляски не следовало бы даже человеку, у которого есть инициативная группа с молотками и двумя очень исправными глазами. Мы с Идой в пять утра пытались понять, где у коляски скрипит, и на минуту отвезли её в К-14 потому, что там на полу есть отметка. Первое колесо цеплялось за порог. Заднее на повороте также. Спасибо, теперь идёт ровно. Коляску на середину после нашего ухода поставил Митя, когда мыл пол. Стул на другой конец военной картой переправила к себе моя бедная дурная кассирша. Привязалась к его низкому сиденью, взяла, поставила на него ванночку с молодым сыром. Не видела той самой десятой буквы в заявлении, где она обязуется опять в шесть утра вынуть сыр и расставить собственную мебель по местам. Имя бедной дурной кассирши Саида. Можно осудить. Можно наслать проклятие. Думаю, вам на всей планете мало кто испечёт после такого вашего проклятия хотя бы раз за неделю лепёшку с чесноком, но, если вы считаете необходимым, шлите.

Мне объяснить, почему на наш двор понадобилась коляска сейчас, когда ребёнка ещё нет? Во-первых, мне предложили её проверить на ровном месте, где есть доступ к колёсам с двух сторон, и мы отвезли её на имеющийся у нас ровный пол. Во-вторых, Ида сказала: «Я

хочу на неё посмотреть не на складе да не в нежилой комнате. Хочу увидеть, что тут будет кто-то живой в коляске. Я себе этого ещё не представляю». В-третьих, у человека в вашем возрасте имеется огромное преимущество даже перед младенцем в хорошей коляске. Когда вы на три секунды падали с лестницы в прошлый четверг, вас поймали сразу четверо. У маленького пока тут ни одной дружбы. Хотелось, чтобы до прихода нашлись парни с глазами и на него тоже. Я, например, буду одним из этих парней. Вот я и ставила коляску утром, откуда и опоздание со стулом. Всё одно на другое ложится в одном тесном месте. Ваши двенадцать шагов остаются вашими, мы просто ещё никто толком их не считали. Стул ставлю обратно. Если к полудню заскрипит у него левая нога — позову вас, вы умеете держать в руках и стул, и карандаш.

Вашу лепёшку уже поделила пополам, если захотите человека с собой привести. Дом номер восемь, старшая по столу. С протёртой мукой у двери Сая.

* * *

Внутренняя линия учебного радио. Ульяна Черкасова, дежурная второго канала. Копия для папы Семёна.

Папа! Тут у меня есть дело. Земные границы обещают всё равно не дать тебе воскресного поезда, пока ты на работе, а звукам дают пересечь сколько хочешь. Пришли мне, как звонит тот самый старый трамвай, на котором вы с мамой поехали на первую встречу. Ты не веришь, что я так долго помню про этот трамвай? У мамы есть круглый хлебный нож, которым ни одной булки не разрежешь, и на нём торчит номер вагончика. Нож не работал уже, когда она до меня на Земле жила. У неё в гостинице столовая была с настоящим буфетом: в него двигали глазированные сырки. Сырки там растапливали о закрытую дверь. Так рассказал мне тот повар из её смены, когда я была в первом классе. А она говорит, что таких сырков никогда вообще не было, и наш художник с пылу сам придумал. На ноже номер 871. Если тебе действительно звенит на голове, отправь запись настоящую, не делай сам «дзинь-дзинь», ты когда изображаешь трамвай, то на второй части слова всхрапываешь и вижу я это даже с Марса.

Во дворе сейчас, когда я пишу, у нас стоит пустая коляска, не моя, не думай. Как её кресло разворачивают к стене, она говорит «гм». Ты что бы в неё положил, если слышишь «гм»? Я записала. Будет у нас опять речь, кто к кому поедет, я всё равно покажу людям, как ты поднимаешь трубку, если тебя в очень неудобное место застает вопрос: «Папа, а пятна на солнце действительно настоящие?» Настоящими такой же нормальной терминологией будем называть события, которые нельзя взять пальцами. Мне надо было про речь на собрании написать. Я знаю, откуда из-за земли всплыл мамин пароль для говорить со мной: «Ты голос слышишь?» Конечно, слышу. Но если мама стоит с моим микрофоном и говорит мне, как с тобой говорить, я и свою собственную фразу пропущу.

Мама вчера подписала объявление «каждому обеспечен воздух». Получается, она нас дважды всех родила, сначала детей, потом взрослых. Я на нашей домашней двери приписала мелом «и табуреты». Мы с ребятами думали в микрофон рассказать, как она над этой фразой вздохнула, потом решили, что всё-таки позволительно и взрослому один раз вздохнуть дома. Вместо неё у нас сегодня выступит человек с коляской и один лишний стул. Первый звук в файле — точит карандаш Саша Паль. Второй — мама попала фартуком в дверцу холодильника и теперь вынимает чашку двумя руками, оставляя фартук всё там же. Третий — это ничего особенного, просто я сижу в собственном дворе и у меня открыты уши и нет у папы комнаты, куда можно сесть рядом.

Пап, если можешь, не спрашивай у мамы, что мне тебе ответить. Дай и мне подумать.

* * *

Приписка к звуковому отправлению 197/12. Передана земной сетью, до распаковки лежала у Ульяны, пропущено из-за продолжительности школьного урока. От С. Черкасова.

Солнце, 871-й я застану в депо в пятницу. Но если ты каждого, кто попробует на словах изобразить тебе трамвай, будешь выгонять, как мне тогда проверить свой рот на другом конце?

Я не ездил с мамой на первую встречу в 871-м. Мы в этом вагоне ехали с нашей третьей, когда я решил, в смысле, когда мне показалось, что я её целовать уже теперь могу, и у меня развязался этот ботинок, у которого верхнее ушко не пробито. Полвагона держалось за спину твоей мамы, пока она старалась не наступить на шнурок. Было очень смешно. Мы вышли на одну остановку раньше, прошлись и о поцелуе никто даже не вспомнил. В таких фильмах полагается ждать гостей на свадьбе и в то время думать, как же так хорошо получилось. Мы вспоминали это совсем в другие моменты. Когда в роддоме заново приходилось ждать, в котором часу дадут заглянуть в ваше с мамой палисадное окошко. Я эти дни концертом запомнил, что первым до меня долетел звук, как рвут картонный стаканчик возле входа. Картон из другого века тогда уже был, да режет ухо тем же. Я на слух всё равно хуже вашего поколения. Не делай из звука рваного стакана твоё появление на свет, пожалуйста, мне экскурсоводов и на Земле хватает.

Твоя запись пришла. Слышно, как фартук за дверцей холодильника хлопает глухо, а мама говорит громко. Завидую этому фартуку. Приложил не трамвай, а как стрелку вручную переводили перед порожним вагоном. Если бы не отверстие под лом, оказался бы просто железный звон. Мне почему-то важно в момент удара носом чувствовать запах сливы, испачканной щебнем. В этом дворе всегда старушки сливы продавали возле трамвайных путей, когда я был маленький. У нас в твоей комнате перегорела лампочка в стеллаже, а я хожу каждый день щёлкать, потому что вдруг при свете в ней надо будет тебя искать. Если не перегорает свет для человека на другом небесном теле, то, наверное, я у тебя самый честный земной папаша.

Я хочу обсудить с тобой пассажирское окно. Сейчас ничего решать не прошу. Посмотрю у нас в конце недели по датам и тогда напишу. Обещаю, на коляску сам сяду только в том случае, если вначале сам с неё и вылезу.

Папа.

* * *

Заявка квартирмейстера председателю. На земном бумажном листе со следом канцелярской скрепки. Местная копия.

Ким Григорьевич, у нас рассыпалась старая туба в четвёртом архивном ящике. Прежде всего огромная просьба оплатить изготовителю нормальную тару для архива, даже если это будет тарелка с прилепленной вниз аптечной крышкой. Я человек порядочный, редко подслушиваю ребячьи разговоры, когда ставлю тарелки в холодильник. В этот раз я её поставила и наступила на проектный лист. По нему огромное пространство, где «каждый житель получит зелёный, светлый, доступный двор», расчерчено по краю длинной числовой строкой. В правой колонке есть место К-14. Та самая отметка на полу, где стул у Гаевого. Снизу мелко, от руки, синей пастой: «Кв. 145. Положение личной доли». Я так обрадовалась, когда увидела знакомый номер, что еле не рассмеялась громко на собственном рабочем месте. Честно говоря, я была уверена, что стул просто ставился у стола К, и всегда чего-то для своей понятливости означала четырнадцатая позиция. Теперь выясняется, что у человека из квартиры сто сорок пять есть как бы крошечная половина стула гражданина Гаевого.

Вопрос. Вписана дописка от руки кем, частью какого проекта считается, приглашалась ли квартальная комиссия оформлять места двора индивидуально? Если каждый из нас уже при получении квартир подписался под тем, что получает одновременно свою собственность в площади общего двора, я бы очень хотела посмотреть в глаза той самой себе, которая принимала людей с ковриками, сверяла их фамилии, радовалась за тех, кто уже перестал стоять в очереди, и ни разу эту листовку собственными глазами не прочла. Было ещё благодетельное обещание «по двору каждому», и все мы с запасом решили, что двор на всех. Я вчера ушла с работы, посмотрела на свой подлинный домашний линолеум, положила ладони на колени и сидела десять минут, хотя Уля уже вышла мне навстречу, всё смешно расспрашивала: «Ты сильно злилась, когда надо было доставать фартук?» У меня впервые на собственной кухне руки тряслись, как у гостя. Не хотелось произносить первую пришедшую в голову фразу, потому что

дочка её запомнит на всю нашу оставшуюся с ней марсианскую жизнь. Не надо мне теперь говорить, что у нашего жилья есть перспектива и что я всегда могу сменить место работы.

Самое простое было бы оказаться в той утренней очереди, взять металлическую ручку от старого коврика и случайно вложить её в руку каждому. Все мы взрослые люди, но приходит мать с ребёнком в запахе тёплого железа, и ты либо видишь женщину с домом, который она везла издалека с собой, либо видишь строку «личная доля». Я забывала это с полчаса на обеде, чтобы что-то поесть, и даже тогда умудрилась поправить края колбасы у ребёнка в тарелке. Мне кажется, вам следовало сказать мне про лист.

Мне сегодня отвечает ваш наёмный инженер дежурным голосом, что «так диктует Земля». Я на Земле работала в гостинице. Земля ничего там не диктовала, только качался за тарелками верхний стеллаж. Все неприятные решения подписывали живые люди. Иногда я сама. Прошу автора подписи на совместном плане с долями его не терять.

Ковтун. Сол 197. Ответ нужен до завтра, в любой форме, но прочту я его сама.

* * *

Из отзыва на заявку. От председателя Кима Руденко, через 58 минут.

Аглая Сергеевна, я много лет проработал с перекрытиями и дверьми в земных гостиницах. Уж поверьте, часто имя того, кто дверь ставил, стиралось раньше, чем тот разворачивался к своей стремянке. Даю ответ в двух частях. Завтра раскроем общий замысел квартирного распределения, кто хочет — в половине шестого у столовой. Документ со всеми приложениями, независимо от того, кто и что там подписал, я прошу дать мне ещё два дня привести в порядок. Я не буду из архива ничего выносить, обвязывать ремнями или перекладывать в тот ящик, в котором вы случайно ни разу не были.

Вторая часть ответа вам неприятна. У старшего места К-14 есть официальная дворовая доля. Но квартира №145 сама по себе туда целиком не помещается. Было бы забавно, если бы это знал каждый, кто прежде счёл надпись «по двору каждому» хорошей мыслью. Свою причастность к этому делу признаю. Завтра приходите со своим стулом. Мой чинят.

Ким.

Глава 3. Мой клочок

Сол 198. Доставлено жильцам второго крыла. От Кима Руденко, председателя кооператива «Ладной».

Соседи, прошу прощения за странное время, в которое вам это надо читать. Насколько я понимаю, 04.28 не годится ни тем, кто начинает работу ранней сменой, ни тем, кто приходит с ночной. Всякому, кто проснулся и теперь собирается узнать причину сигнала, напомню, что в почте можно выключить звонок на входящие письма от председателя. Я его сам первым выключил, когда меня избрали. Заработала одна защитная способность — я могу одним коленом залезть на нижнюю койку в полной темноте и на глаз определить, насколько перед нами важный документ.

На рабочем, повторяю, рабочем плане двора К действительно означает ряд. Всем поступило письмо за предыдущий квартал с указанием его технического обслуживания. При строительстве второго жилого крыла площадь двора считали из соображения восемь десятых квадратного метра на одну из наших ста восьмидесяти квартир. Этот показатель умножали на число квартир: получили 144 квадратных метра пола. Высота зала три метра. Никому при этом не распределяли три метра вверх однолично: председатель не уполномочен ставить частные этажерки до потолка и разрешать частные заборы поперёк пешеходного прохода. Но в монтажном приложении и правда указали реальные прямоугольники, которые считали рабочим следом оплаченной квартиры во дворе. Если они все поворачивались одной стороной и всю разметку сдвигали в сторону спальников, удавалось отметить их на полу. Остались какие-то последние плашки, на шпагатах прежде стояли бирки. От них кое-где ещё видна краска. В том числе К-14. Некоторым квартирам по материальной ведомости соответствуют клетки, куда сейчас попали ножки общей скамьи, часы или большой шкаф. Для кого-то получается очень ценный нынешний кусок: половина прохода, где все любят останавливаться с покупками, всегда сухой и рядом есть удобная прозрачная стена. Для кого-то самая обычная дверь в чулан. Предлагаю исходить из того, что никто не знает окончательной судьбы этой прорисовки и у всех, включая меня, есть несколько дней, чтобы сообща ответить на этот вопрос.

Вы могли бы на первую встречу принести схему своей жилой квартиры. Если К-14 получится найти там, зайдём смотреть живьём. Прошу не спешить размечать участки: для дыхания, ходьбы и пребывания во дворе никакого нового пропуска не нужно. Шесть жильцов, которые не имеют индивидуальных квартир, также могут прийти в общий зал. И будут пользоваться двором, как пользовались все эти годы.

Председатель. Подпись, как замечено было вчера, моя настоящая, поскольку на чём сидел в то время председатель — тайны тут нет. Ещё раз прошу прощения у спящих.

Служебная приписка почтотделения к утренней сводке. Доставлено в 07.30 равномерно, без сигнала. Приложение к письму «как выключить звонок» имело тип срочного и звенело в 04.28.

* * *

В первый раз в редакции! Доска сообщений. Выпуск Ульяны Черкасовой «Пишут жильцы», сол 198. Квалификация редактора: знаю буквы, работаю в обед.

Мы без изменений приводим список вещей, которыми сегодня с половины пятого утра люди заняли свои участки двора. Фамилии и номера квартир бесстыдно зачёркнуты, кроме тех, кто захотел известности и подписался отдельно.

«Полотенчико моё. Постирайте руки, если будете трогать».

«Два фломастера положил буквой П, потому что поперёк пришёл чужой башмак».

«Собака уходит и приходит, а водилка висит всё время на том же месте, поэтому отдаю право водилке быть в данном случае эмблемой нашего двора» (выяснилось, родной пёс живёт в

Туле, а водилку нечаянно забрали из коробки при переезде; пса зовут Чип, с ним всё в порядке, присылает фотографии).

«Здесь стоял папин галстук. Если его кто-то отодвинул, он снова упадёт».

«Это не мои женские трусы. Никто не спрашивал. Но я здесь работаю с людьми, так что имейте в виду. Арзамасов».

«Дорогие мои. Я сперва принесла стул, села, и получилось вполне возможно. Потом три раза попросили встать, чтобы прошла тележка. Поставила стул боком, получилось на четырнадцать процентов меньше просьб. Считайте дальше сами. Отставной преподаватель, сейчас буду записывать переживания».

Наши ребята по очень хорошему совету техперсонала расчертили пример. Один человек получает след в 0,8 квадрата. Это 80 сантиметров на один метр прямоугольника. Тётя Ида померила нам метр переносной линейкой, и после этого на нём поместились два механических червя, учебник по истории, кредитная карточка давно закончившегося старого магазина земной музыки и бутерброд. Человек при этом головой наполовину находился уже в следующей доле. Наша уборщица сказала, что для головы право отдельного пребывания ещё не вышло в свет, и велела нам убирать еду с пола, попадут ночью крошки в невинную прическу дежурного. Далее передаю слово бытовому корреспонденту Леониду Скорику, двенадцать лет, он же Лёня Безошибочный.

Ответ Лёни, письменный. Очень хорошо, что вы передаёте, а я не принимаю. Выходите сами и спрашивайте там завтра у людей, чья нога Сто Двадцать Шестая. Я её с самого утра столько мерил, что она от моего мела уже не отлепится. И про то, что из восьмидесяти сантиметров на сто можно сложить книжку, я не сочинял. Книжка толще и всю её ни на какой квартирный двор не разложишь. Люблю, Лёня. То есть для формата я люблю в понятии «люблю вашу газету».

* * *

Обыкновенная заявка на хозяйственные нужды. Сделана Митей Деревцовым после обеда.

Господину Киму, который когда-то обещал зайти ко мне посмотреть, как я мою стены, а теперь у него туда свой вход по справке из банка.

Я проверил. Если из кабинета квартирмейстера идти вдоль трёхметровой стены, то там сперва ряды с самым дорогим светом. Перед ним люди ставят кружку и смотрят, сколько на дне выпито, не обязательно поднося к губам. Потом лампа, где зелень, там к стене липнет от света глина. Ещё вправо, под самую доску с часами, начинается наш участок. Наш не потому что мы, сменные, собственники: у нас совок. По нему по утрам ездят подошвы с камешками. Когда мы притащили туда свою тележку, чтобы развернуть к подсобной, было достаточно места сделать это одним плечом. Сегодня четыре вещи вынимали по порядку — вязаную сумочку в форме земной козы, один носок на спинке стула (второго по понятию долевой собственности не полагается), рулон конькового троса и длинный деревянный ящик с тремя вырезанными буквами. Совершенно необходимый ящик, большой прямой, можно спину прислонить. Это его главный хозяин сам и объяснил, когда я туда сунулся с ведром.

Я у службы спросил одно: куда поставить мои два рабочих сапога? Если они чистые, я высиживаю их у батареи, они маленько подсыхают. Если мокрые и в песке, я сперва их должен помыть, для чего мне нужна полоса пола около тридцати двух сантиметров вдоль стенки и полчаса от обеда. Мой сосед, добрая кошачья душа с кистью в кармане, сказал: «Ты свои туда и занеси», — но туда упала капля, он охнул и побежал за личным полотенцем. Оказалось, под сушилкой его будущая гостиная, а на ней будет портрет умершего дедушки. Я достаточно знаю, какое это дело, беречь посылку от умершего дедушки. У меня лично такая железная коробка с шипом по центру, бритву на ней перед работой держал. Но если под этим портретом сейчас я не имею права поставить свои сапоги, так и имею я право, простите, забыть про наш с вами

«Митя, не позовёшь ли утром в четверг в третью комнату бабушку, она сама громко свистнуть не может?»

У меня не было там своего коврика. Я как спать иду, многие свои вещи именно в этот рай ношу, рукавицам там аккуратно сохнуть. Попытайтесь мне сейчас хотя бы выдать на два сапога кусок доли в чём-нибудь смежном с полом и примыкающем к моему рабочему месту, а не к тому третьему двору, что на Земле кому-то полагается. Ноги у меня две, держать одну на Марсе, а другую, чтобы хоть на человеке были ботинки, возвращать домой я ещё не научился. Вы поймите я не против денег. Могу за эти два сапога принести на собственную куртку четыре восемьдесят, только ведь за них из этих денег тоже кто-то должен получить ту самую работу, из-за которой я сапоги перед сном мою.

Свободную койку я десять минут назад оставил Галке. И до вечера нахожусь у третьего перехода в твоём дворе. Внизу всё-таки ставлю свою фамилию, потому что такая временная неразборчивая трактовка фамилии бесполезна на долгом расстоянии. Деревцов.

* * *

Сая Юсупова — Аглае Ковтун. Две части голосового сообщения. За доставку кошка денег попросила, заплатила.

Часть первая. Горячие подносы повезли. Каждый, кто сейчас всерьёз делит мелом пол, пусть запомнит его таким, каким оставил. Если у тебя из имущества через минуту три с половиной моркови уедут на крышку котла, нет смысла мстить повару. Мальчики сами с утра занялись благоустройством. Мне тридцать восемь лет, я согласна, до сих пор делала только одну условную вещь — ногами под умывальником проводила полотенце, когда никто не видел. Никакого формального расчёта перемещения тележек в моей жизни не было, я готовила свадьбы по восемьдесят приглашённых, и у меня в гармошке всегда был запасной тёплый краешек для работника. И что же ты думаешь. Сегодня стою рядом, Агля, а служебную дорожку от входа на кухню прямо под нашу общую скамью за четверть часа закатали, как под паршивый асфальт, личными красивыми вещицами. У одного подушки распластались с наволочками в китайские домики. У другого полсапога от обуви на маленький боковой рюкзак. У третьих совсем невидимый мел, и к нему на верёвочке такая же серая тряпочка привязана. Там никто не рисует человеку «стой», все говорят «можно». Маленькое чувство остановки почти на каждом шагу. Неудобно мне вкатывать свой суп, если надо его переобувать у двенадцати хозяев подряд!

Часть вторая. Поставили край тележки к входу. Сейчас она себе никуда больше не поедет: на одном колесе намотан тёплый носок, из-под второго течёт жидкая чечевица. Детские человечки из старых бочонков, которые тут оставляли сушиться, покрасились от неё с ног до головы. Вот я тебе записываю при свидетелях: это я приготовила чечевицу, а никого из них макать в неё не заставляла. Детям насмешно было ровно до той минуты, когда один взрослый начал браниться. Он считает, что если носок найден на территории головы его кресла, то виноват в задержке обеда конкретный хозяин. Я нарочно стала ругаться на свой носок, сказала у меня такой же, не понимаю где, хозяин засомневался. Носок принадлежит, поди, девятилетнему. Зачем ему очередь злых обеденных мужиков на полдня? В конце концов дождались, пока вынули ту проклятую носкую вещь, и проехали. Куда девалась линия и куда делась чечевица, слава богу, даже наша ведомственная детсадовская разведка теперь вряд ли узнает.

Чуть позже, приписка на бумаге. Носок сиреневый, с зелёной заплатой изнутри. Чей, можно забрать у меня, после еды не спрашиваем, жила ли там ступня на законных основаниях. Недавно в столовой появились нормальные шесть литров питьевой воды, можно постирать.

* * *

Из письма Ульяны отцу. Доставить с обычной задержкой. Только получателю.

Мне тоже в голову пришло, что мигающая стрелка должна услышать запах сливы, хотя вообще-то железки, пап, ничего даже в детской передаче не нюхают. Если у тебя в пятницу будет хороший день, сними со двора станции любой звук: я по нему сама постараюсь понять,

что произошло. Мы новые настоящие звуки записываем один раз, потому что когда Марусе второй раз говорят «упади со стула», она ложится как царевна, поднимает руку вверх и убирает волосы за плечо, куда на самом деле прежде всего шмякается подбородком. Мне бы не хотелось ещё один учебный рассказ об одной четвёртой части света показывать ребятам. Лучше сама догадаюсь. Ты опять забудешь, что мне всё-таки не семь и в сущности я могла бы знать, что сливой пахнет не над всей планетой, а на улице Рябиновой у депо.

Слушай. Сначала было будто кто-то целует салфетку и не может с ней без помощи расстаться. Это, оказывается, колесо жевало чей-то носок. Я думала — только мне смешно. А мать таким лицом стала вынимать его с другого края, что из-под тележки все резко поднялись посмотреть именно на маму, а не на носки. И один человек, Лев, которому вчера нужен был стул, сам этот стул переставил. Потом Ида села и с того стула распоряжалась, пока по стене не стало можно идти. Она умеет распоряжаться. Она вообще делает воздух и утверждает, что ей стыдно, когда мы спорим о том, кому разрешается дышать. У меня более простая формулировка. Лёгкие то и делают внутри целый день. Получается, она у нас по-настоящему слышит не их, а помеху у колёс.

Самое забавное: к вечеру была назначена встреча граждан со своим сюрпризом в двенадцать квадратных дюймов или сколько у них там в метр влезет. От взрослых свои места пришли не очень многие, то стыдно, то чечевицу вытирали. А когда нам разрешили спросить про обыкновенный имевшийся у людей свет, пришло даже двое из тех, у кого квартиры пока нет. Один Митя спросил меня, можно ли на школьном радио говорить, что у тебя к маме есть претензии, а не только к большому расписанию. Я ответила, что не знаю, но могу спросить у папы.

Пап, тебе было стыдно, когда от нас мама уехала первой? Когда мы с тобой стояли с билетами, и ты всё говорил, что твои ботинки со мной в один корабль не влезут? Мне в это самое время очень хотелось снять оба ботинка, сунуть тебе под мышку и никуда не идти, потому что меня спросили, когда стрелка будет переведена, а не спросили, что мне там видно из вагона. Я знаю, что на Марс ехала сама: уговаривала, решила, согласилась, весь первый месяц хотела только сюда. А есть такой способ в одно место хотеть ехать и в другом человека за руку продолжать держать? Напиши мне об этом сам, на отдельном длинном листе. Я выросла немножко и ту фразу про ботинки теперь могу проверить на размерах.

Ма про эту историю помнит совершенно другое. Думает, что у меня там был короткий розовый шарф. Мне надевали голубой, я за день до того его хлебным соусом облила. Вдруг тебе важно.

* * *

Запись на вышедшем с почтой маршрутном столе. Дежурная М. Рощина, примечание для завтрашней смены.

С двенадцати до тринадцати отмечено четыре обращения людей за потерянными вещами, у двух пропала нарисованная мелом линия. Обеим объяснено, что такую потерю следует просто снова нарисовать по публичной схеме, когда будет установлено, следует ли вообще её рисовать. Ходили по краю сначала сто восемьдесят, потом сто восемьдесят один, потому что Лев Гаевой согласился дать Уле пятой ступенью своего стула послушать, что о нём говорят. Стулья к вечеру принесли. На одном, под покрывалом, оставили варёную еду. Собрание завтра состоится, если не начнётся раньше в порядке живой очереди. Последнюю фразу просил оставить председатель: когда-то ему так говорила мать у ночной кормёжки тройни. Одного из тех троих у нас зовут Ким Руденко. Просил отнести к личным делам семьи, а не кооператива.

Глава 4. Между звонками

Сол сто девяносто девятый. Домашняя почта. У квартиры Аглаи Ковтун ещё с Земли был колокольчик, оставшийся от гостиницы. После переезда хвостик ему отогнули, чтобы не мешал людям спать. Рукописная записка на той же двери от дочери Ули.

Мам, ты мне вчера от имени моего отца назначила время разговора, хотя «время разговора» означает у нас, что я сижу на табурете и слушаю ответ, присланный уже после того, как я встала с табурета. Не выставляй на солнцеплав звонок. Я хочу слушать папу, когда у меня есть наушники и есть хоть одна комната, где Сая не будет одновременно говорить про сметану. И ещё убери возле браслета старый сахар: он у тебя просыпался в ящик и портится. Возьмёшь папин голос, на нём и останется сахар.

Сегодняшний монтаж школьного радио будет внутренний. Когда я там говорю «девять секунд задержки», я имею в виду девять секунд, за которые у нас вырезали неправильную надпись в титрах, а не время от Марса до земного трамвая. Тётя Сая уверена, что мы учим детей плохой астрономии. За девять секунд от моего голоса до её лепёшки успевает дойти только школьный сотрудник с родным голодом. И то если он с января быстро тренируется.

На Земле требуется несколько минут хотя бы свету. На почте дольше, и мы все это понимаем, кроме тех, кто вчера спрашивал, «чего ваш папа ничего сейчас не отвечает». Он не записан на вашу должность. Если тут опять будут спрашивать, не заводи от моего имени письмо «прости, пап, мы тебя любим». Я люблю, совсем не за это.

Ульяна, собственная дочь.

* * *

Выходящая почта. Семён Черкасов — Ульяне. Пометка автора: не ставить в передачу. Звук утреннего трамвая во вложении можно ставить.

Уля, у того заедающего ботинка имя было, кстати. Правый ботинок Васька. Ты в три года спросила, кто у него живёт в носу. Я ответил, что не знаю. Так он и жил у меня, пока ты не поселила туда одного из своих Вась, которые все ездили с тобой на трамвае часа по полтора независимо от того, останавливались мы или нет. Иногда я думаю, что родители мелют детям, чтобы не показывать собственное пустое место. В тот день я думал, что прав. Тебе ведь на Марс хотелось. Всем по очереди показывала букву М из своих рук: сложить два указательных и держать их как гору. Наш Мирон поднимал тебя у себя на плечах, а ты учила граждан, как показывать гору. Теперь думаю, что, наверное, стоило мне сказать: я тебя отпускать не хочу, но ты можешь уехать. Так получилось бы честнее, чем ботинок, который никак не хочет влезть за тобой в багаж. Не надо вычитать ни одного из этих слов, ужасно прошу.

Приложил 871-й. Мы выставили его из депо на проверку на закрытом участке доездного пути. Не поверишь, в пятницу было двое проверяющих, и я за день три раза сказал коллегам, для кого пишу. Один из них прикинулся из вежливости иностранным покупателем: неужели у вас такой маленький Марс, что звенит только у одного ребёнка в кармане? А я ему сказал: ровно такой. Мне важно, чтобы ты понимала, это я так шучу над собой, а не рассчитал, что ты обязана возвращаться домой моего юмора ради.

Теперь про билеты. Следующее пассажирское окно уходит после пересменки, цену за место пока подтверждают только списком желающих. Не сегодня, не сгоряча; у меня накопилась половина аванса, я получил новый разряд. Можем попробовать закрепить за тобой одно место списком, потом делаем как решишь. Пока места почти все свободные, напротив твоего номера могу себя указать сопровождающим на земной стороне. По моим наблюдениям, бывает, что если кто-то за тебя заранее заполняет маленькую клетку и мягким голосом рассказывает, что от тебя ещё ничего не требуется, то как раз почти все решения он успел принять. Пусть у

тебя останется чувство, что ты понимаешь это и умеешь мне сказать, где остановиться. Я тебя прямо спрашиваю. Хочешь, я поставлю тебя в список на обратный путь?

Я у мамы не спрашивал разрешения тебе написать, хотя и написал ей отдельно. А заявку без мамы при твоём возрасте, конечно, закончить не выйдет. Но пока пусть она получит от нас двух настоящих живых людей, а не маму с дочкой в одном большом голосе.

Допись к звуку. Сначала старик-приёмщик комкает в руке стаканчик (правда старик и правда стаканчик, хотел сделать в честь твоего появления на свет, остановил, пусть не играет). Потом у 871-го короткий удар как будто согнутой ложкой о батарею. Этот удар на Марсе можете ставить без спроса, раз уж ты его там выпросила у поднебесной семьи. Когда-то другой 871-й должен был ехать мимо громадного пруда, и под всем этим небом твою бабушку тянуло спать. Я всё расскажу, приедешь ли или передумаешь приезжать. Тут надо источник вашего звука указывать? Напиши «ремонтировал папа», только маленькими: положено занимать ровно столько, сколько сделал.

* * *

На имя Аглаи Ковтун, от её бывшего мужа. Прочесть после письма Уле. Текст.

Аглая. Про место написал Уле. Приложил тебе копию только того формуляра, где подписывается взрослый на Земле. Я догадался, что ты захочешь принести это домой, пообещать всем сразу счастье, подсунуть ребёнку баранку и быстро рассказать на какую ногу ей быть взрослой. Мы с тобой так оба делали; когда оформляли разрешение, ты сказала, что на Марсе пандус надёжнее нашего двора в слякоть, и я согласился, потому что в тот вечер слякоть стояла в коридоре под моими ботинками и ты была рядом, и у меня были силы только соглашаться. Дай ей два-три дня. Ей двенадцать и почти все свои последние праздники она пишет мне отдельно, что её желания исполнились сразу и в том порядке, как в открытке. Иногда это, конечно, ты пишешь. У тебя три буквы «и» подряд в таких письмах начинаются сверху вниз и точка без зазора. Помнишь, я под столом на нашей свадьбе писал у тебя на тыльной стороне ладони «иди сюда»? Именно на эти три буквы я в своей жизни обычно отвечаю быстро.

Семён.

Аглая Ковтун, черновое в исходящих. Время удаления чернового файла 15.07. Бумажная вычитка осталась вложена в учебник.

«Семён, спасибо. Уля с радостью хочет приехать домой. Мы сейчас посмотрим совместимость со школой, выясним, кто снабжает ребёнка в дороге, сколько нужно продублировать документов и как можно поближе к вашей остановке получить её под подпись».

От Ули карандашом поверх, не отправлено. «Я сказала не так. И слово „получить“ мне не нравится. Перепиши для него как сама обычно разговариваешь».

* * *

Черновая стенограмма школьного выпуска. Отказ от эфира на два голоса. Редактор Саша Паль. Подтвердили: Ульяна Черкасова, Маруся Чи, Лёня Скорик. Это не трансляция на Землю.

УЛЯ. Мы хотим узнать, чем пахнет вода, если открывать наш поздний двор в декабре.

МАРУСЯ. Воздух там будет такой же, я спросила инженера. Зато есть моя любимая очень дорогая стена. Я на ней один раз нарисовала крапивой земного тигра. После мытья он остался, но сам теперь похож на старого математика из наших маленьких школ.

ЛЁНЯ. Будьте внимательны, это не призыв к тому, чтоб всяк школьник гадил на стены, пока их моет милый Митя, привыкший к тому, что его называют милым, когда не хочется спросить отчество.

УЛЯ. А кто потерял красную перчатку?

Пауза девять секунд. На записи слышно, как открывается дверь в нижнее помещение. Потом голос взрослой: «Щенок, кто тебя просил мне воспитывать такого всемирного начальника!»

САША ПАЛЬ. Тут будет дырка. Первые четыре слова оставляю частными. Слово «начальника» без первых четырёх слов означает, что у нас передача о председателе. Оно тоже частное. «Щенок», как оказалось, тоже может быть любовным обращением, особенно если с другой стороны двери подержать банку с мёдом. Кому был сказан оборот, до эфира не годится. Узнаем? Узнавать не будем.

УЛЯ. Я думала, там про меня.

МАРУСЯ. А я думала, мне однажды в клубе кричали за то, что я на полу спала. Хотя у нас десять мальчиков и трое из них весной тоже засыпали.

ЛЁНЯ. Было бы хорошо, если бы не стали у себя в подъезде подводить микрофоны ко всему, что его хозяин считает лично очень важным.

УЛЯ. А знаешь, может быть, его хозяин тоже хочет не знать что-то раньше времени. Можно отвечать на письма без записи во дворе?

САША. Нет, скажи ответ отдельному человеку, скрой хотя бы эту просительную интонацию. Завтра придёт Ида. Когда она говорит, можно подумать, что ей больше всего стыдно за человека, который за неё будет получать квартплату, если она на сорок дней выпадет из ведомости. Она собирает таблицы по работам и знает, что это совсем не пустые деньги. Завтра вместо тебя выпущу в эфир я. Отдыхай и не вздумай записывать, как твоя мама спрашивает «покормила сегодня девочку?» на каждом повороте.

Короткое послесловие от выпускающей. Выпуск не вышел, только папин звонок 871 мы всё-таки дали в начале последнего урока. Люди так на него оглянулись, что второй раз звонить не пришлось. Меня попросили подписать «городская станция вопросов». Не подписала. Автор ремонта папа. Ни один из нас прежде у человека на другой планете ремонтировать трамвай за него не пытался, и вот это нам удалось совершенно естественно.

* * *

Сол 199, после закрытия столовой. Стенограмма непрослушанного звукового письма Саиды Юсуповой: «Агля, я тут сама тебе уже всё в лицо сказала, но письмо всё же оставлю». У отправителя в кармане.

Ты привыкла, что за столом к тебе сначала подходят сочувствовать люди с одним разбитым лбом на всю смену. Им понятно, ты сидишь потом до вечера с поломанной схемой и своего живота не помнишь. Я и ставила тебе блюдечко в окошке. Два хлеба в ряду, к каждому по ложке гороха. В день, как открыли столовую, у меня начальник спросил: «За кем у нас это неучтённое?» Я сказала, что у меня в семье всё можно подсчитать только до первого голодного мужа и дальше под кроватью шесть чужих детей. Пошутил и отстал. Вчера вечером увидела в карточке собрания твоё «ответственный за открытый утренний стол — Сая». Не моя подпись стоит внизу. На вопрос «а что положено?» ты отвечаешь: «Ничего же не меняется, ты и так уже почти год с пяти тридцати печку открываешь». Почти год, Аглая. Одиннадцать полных месяцев, первая лепёшка всегда для людей, которые в предыдущее дежурство всю ночь работали. Я не получаю за эту первую партию отдельной зарплаты. Могу на соседку опрокинуть тесто и сорок минут идти извиняться. Имею право. Когда колония захочет извинения в точности по моему имени на бумаге, ей надо сперва научиться честно спросить, сколько стоит моя жизнь между пятью тридцатью и семью.

Понимаешь, я теперь ещё у себя в собственном расписании читаю, что желаю с радостью всю остальную жизнь давать тебе благоухающие подносы. Будешь готовить из таких слов собственную дочь до того момента, как ей самой в рот полезет, чем она действительно хочет заниматься. Прости, сейчас руками у тебя перед носом махала. Мне уже больше ничего сверху или снизу туда не положить. Вчера Митя вынес мусор за Галю, потому что у неё колесо на ведре сломалось. Утром он без смены. Ему где сейчас быть? У меня ещё есть место в столовой. Пока оно моё, он может считать это приглашением. Но я не дарила это место председателю под обязательство безымянной доброты для официального потребления. Эту фразу я сейчас перечту

и проглочу бумагу, чтобы сама себя больше такой не услышала. Ты бы раньше подумала, что так ты говоришь в слишком большой гостинице, потому что в ней эхо, и я не дала бы тебе одну её оставаться оплакивать целый обед.

У меня две лепёшки. Приходи, если хочется. Даже если не ответишь про учёт до завтра: бог с ним, мы всё-таки сидели с тобой в одной земной электричке через твой любимый дворовый пруд. Нам же должно быть ещё и весело.

* * *

Получателю без номера квартиры, Ульяне. От Аглаи. Написано на тыльной стороне формуляра для земного пассажира.

Я дёрнула тебя раньше, чем услышала, чего сама хочу. Хочу оставить тебя здесь. Хочу, если тебе захочется домой, чтобы ты знала: у папы там дом и у меня здесь дом и не я стану выбирать, которое из этих слов ты произносишь с большой буквы. Можно договориться сделать с бумажкой одну до смешного простую штуку — сначала положить в мой гардероб и не двигать три дня? Папе ты сама напишешь. В свой ответ я напишу, когда он меня об этом спросит, а не когда из окна двора мне покажется, что ты расстроилась. Это я с тобой договариваюсь, как умею.

Фартук я вытащила. Ручками и пока никого в нём не ранила.

Мама.

Глава 5. План со штампом

Сол 200. Входящие с Земли. «Дом рядом», кооперативная ассоциация, контроль целевого расходования. Письмо от Софьи Бекетовой. Прочитано на первом рабочем совещании в помещении № 0.

Дорогие Аглая Сергеевна и Ким! Вы на Земле этим сочинённым нами «Уважаемые жильцы Марса» всех рассмешили, а мы вообще-то вложили в эти слова много искреннего. Помню, мальчик сидит с матерью на старой выставке сборных гостиничных конструкций. Сидит на коричневой лавочке, у которой ногам уже двадцать лет, а спинку заменяли трижды. И утверждает, что вот если написать человеку: «Уважаемый жилец Марса», то придётся ему на место жительства и все остальные вещи присылать. Как его звали, где теперь, не знаю. Но эта фраза была прислана нам за один из тех последних взносов, что закрывали тогда платежи за второй корпус. Мы срочно собирали средства, чтобы конструкторские заводы не увели очередь другому заказчику. Половина наших участников имела уже по первому паю. Кого-то из них познакомил Ким, кого-то я нашла по знакомым возле своей больницы. Один был мой брат, он тогда стажировался на повара. Вот вам отправляю несколько имён и то, что они за этими первыми числами видели. Печатаю с разрешения. Я получила ваше письмо и помню, что речь сейчас о цене у двора и у вашего терпения.

Марина Русакова, земная школа ручного письма, паям 2 и 87 помогала обеим соседкам. Мать у неё сорок лет ходила на работу через подворотню воспитательного дома. Когда воспитательный дом закрыли для прохода, женщине приходилось каждое утро давать потом ещё двадцать минут в долг местному автобусу. И человек весь всё то долгое время, пока работала в школе, помнил этот закрытый проход. Надо было прийти к нему и сказать: хотите, будет одно настоящее жилище, в котором двор не запереть. Краем зацепил её именно ваш рисунок двора, узкая скамейка и на скамейке ребёнок держит тройную игрушечную палку. Марина ничего не знает о плечах у ваших конструкций, ничего о том, кто у вас сейчас варит обед. Ей важно, что нарисовано место, где ребёнку незачем звать сторожа.

Анатолий Шамин, инструктор по обкатке рельсовой техники, 27-й пай. Мы знакомы, как выяснилось, ещё и с вашим трамвайным Семёном, но Земля у нас в этом письме, надеюсь, пока без сватовства. Шамин пригнал на выставку двоих детей и вслух сказал: «Это у них там будет первое квартирное место, которого у меня не отнимут, пока меня нет дома». Знак ему понравился: полметра на полметра, поставь чемодан и получи законного хозяина. Почему у вас сейчас 80 на метр, я ещё проверю с той типографией, но именно так мы продавали общие паи. Одного рисовать ребёнка на скамье в следующий день оказалось недостаточно. Приходил другой человек, который всю жизнь мечтал о своём жилье, у него не было даже письменного договора на машину, которая ему в доме положена под собственный ремонт. Он боялся своих прав больше, чем ваша школьная Марина своего проходного двора. Его задним числом называть греховным собственником некрасиво, по мне. Ну да, он именно собственности хотел своему сыну. У сына водянистые бледные глаза, здоровяк уже, сам бегает в отгул отбивать колонны на каком-то синем станке. Люди хотят детям с подросткового возраста оставить место.

Дальше уже говорит бухгалтерский стол нашего земного корпуса. Источник финансирования второй очереди, расписание сдачи работ и подтверждение назначения двора от 180 жилых долей принимались Кимом Руденко, которого вы сами избрали представлять второй корпус при подготовке. Последний день подтверждения — ваш сол 210. Все знают, что типографии нужно успеть подготовить отчёт с фотографиями? Оно там так хорошо выглядит на снимке, ваш песчаный холм через наружную галерею, и то, что в центре стоит целый двор, — это всё ваши обычные газеты и наши вкладчики уже четыре года видели на каждой рекламе. Если теперь общая площадка принята и планируете подтверждать как 180 отдельных дворо-

вых долей, удостоверения возьмём одной пачкой. Сто восемьдесят индивидуальных снимков не надо. Если у вас существуют разумные альтернативы, прошу оформить их тем же порядком, что условия самого договора, и до срока. Мы обязаны понимать, кто в дальнейшем оплачивает установленные расходы на общую комнату. Это не плата за вдох. На тот случай, если землянам до завтра успеют написать, я это уже добавила в общую новостную строку.

Осталась формальность. Ким, ты мне когда-то руку пожал поверх алюминиевого столика и обещал: «Большой зал целиком»? Я же тебя не из рассказа про найденного героя вытащила, а из шкафа по гостиничной сборке. Могли мы оба чего-то не заметить тогда? Вполне могли. Сними, пожалуйста, копию с того соглашения, где у тебя пометки красным. У меня один оригинал без полевых отметок. Плату мы будем получать независимо от того, пойду ли я сама в новом году на пенсию. Нужно только, чтобы людям, отдавшим последние накопленные ради общего ребёнка, не пришлось волноваться, не отнесли ли их деньги к тому, кто в новом отчёте ни за что не отвечает. Страшно им, понимаете? В нашем городе из крана в ванной раз в месяц идёт такая бурная вода, сами начинают красить ванну в цвет апельсина. Я свой взнос тоже оттуда собрала, из старой апельсиновой ванны и нового обещания. Будем иметь дело с написанным и с теми, для кого писали.

Софья Бекетова.

* * *

Решётка внутреннего радио, школьное окно «Тихая минута помещений». Ведущая Ульяна Черкасова. Объявлено до полудня: хотим разницу между тишиной записи Земли и здешней тишиной. Сведения участников вычитаны после эфира. Если участник просил не публиковать имя, поставлен прочерк.

00.00 — в самом левом углу помещения тихо щёлкает замок кофра. Происхождение: Анатолий переносит странички с уроками для сына своего брата, который теперь по расписанию в Норильске. В них ударный стук на последнем слове, если не защёлкнется кофр, передаточная не примет бумагу, думая, что его не досмотрели.

00.04 — под скамейкой играет Маша Бородина. Прижимает к животу старую зажигалку без начинки, прикладывает к кукольной голове, будто слушает лёгкие. Детской цепочкой дважды звенит о пол. Это второй звук. Кто-то вчера нажаловался её маме, будто Маша поджигает во дворе волосы. Показывали пустой пластмассовый футляр, никаких волос она даже в магазине не закупала.

00.09 — в центре, у часов, Лев переводит стрелку и говорит себе под нос «полюс-минус». Хотели вписать «плюс-минус», но он сказал, что родную речь слышать не умеем. У его инструмента на двух концах полюса. Проверили.

00.12 — цитата из японского урока у стены памяти. Просит не издавать себя прочерк. Он повторяет вслух два одинаковых слова разным ударением, ждёт ответа от собственной младшей сестры, которая записала первый урок и ждёт в автобусе. Мы несколько раз слышали эту запись на занятиях. Сестра у него ездит утром на автобусе в Калуге, но преподавала семь лет в Саппоро. Изъявить желание понимать язык решил старший брат уже после того, как улетел. Бабушка давно не верила в удачу, теперь предложила спеть на двоих.

00.16 — гудит дамская корзинка с тремя тёплыми термобанками. Сая, что там пьют? Нет, можно всю фразу, мы хотим слушать целиком. «Обыкновенный взвар из молодых картофелин. Никакой это не чай, вы вкусны для рекламы, ребята, как эта вода».

00.19 — кто-то выходит из раздевалки и расстёгивает под горлом липучку. Можно было вырезать. Оставили, потому что у того, кто попросил это убрать, липучку на самом деле даже не слышно, а мы слышим, как она меняет звук голоса ребёнка, у которого отец первый раз за много дней теперь может его окликнуть. Это моё предположение, как ведущей. После урока человек признался: «Я просто нос не вытер». Смех с разрешения папы.

00.23 — ложка у стола, Дима Сатин считает четверти по нотам, чтобы передать бабушке, которая не слышит другой части пересменки. Она читает по губам и выращивает дрожжи, любит ритм, от музыки у неё самопроизвольно прыгает бровь. Я бы и сама поспорила сначала, имеет ложка отношение к музыке или к еде. Оставили в музыке.

00.26 — притормозили сутки, наши часы сколько времени умеют казаться стоящими, пока все молчат. Это не звук; убираем из подсчёта. Настоящий восьмой звук — Маруся мажется об рукав мне верхом своей плетёной корзины.

00.31 — за дверью проснулся сотрудник ночной смены, который попросил всех нас дышать потише. Девятый. Внутри вырезаны два частных имени, одно его собственное.

00.33 — десятая по порядку щётка. У неё с одного края переломились звенья, поэтому она здорово похожа на того, кто спешит, не поднимая головы. Вместе с ней наш медбрат, который дышит. Кто спросит о взносе, текст объявления получит в честную играющую руку.

00.43 — ребёнок поёт на одном придуманном языке. В местной школе шесть памяток о совершенствовании языка. Ни одна не подходила к его примеру. Просил подписать «очень тихо поёт как понимает». Других указаний нет.

00.51 — в пустую коляску садится зайчик. Сколько ему лет, что за заяц, мы не видим. Это был настоящий звонкий металлический заяц-копилка мамы Иды, которого везли из того дома в мягкой кофте для офицера, чтобы не оторвалось ухо. С краю подошёл ребёнок и спрашивает, можно ли бросить туда потерянную металлическую шайбу. Ида ответила: «Пока можно. Пусть растёт богатая». То есть не копилка. Ну, хватит. За всю минуту было двенадцать разных занятий. Нам никто за это не обещал купить ни одного лишнего квадратного метра. Мы совершенно бесплатно учимся пользоваться тем, который уже есть. У. Черкасова.

* * *

Личный листок. Корреспонденция семьи Юсуповых. Получатель — старший брат Саи, прилететь не планирует. Можно приложить к общей анкете, если я сама письменно об этом попрошу. Пока не прошу.

Камиль. У меня на стенде старый герб нашей столовой. Четыре чёрные лепёшки, одна накрывает другую на ладонь. Я не знаю, тебе мама говорила, я ж ещё до отлёта попала на плакат новой столовой. Сняли меня с картонными пышками на магнитах, будто я другую еду не умею. За одиннадцать месяцев я могу держать готовой настоящую тарелку в обеих руках и одновременно ногой тянуть стул, на который посадим твоего гостя без бумажек, коль сам захочет есть. Сейчас хотят выдать этот приём за ритуал. Ты видел у этих, с Земли, нас с Митей на фотографиях: смотрим поверх объектива на свет нового подъезда, глаза честно щиплет рано утром. Заказ был гладко улыбаться, говорю, вам не надоела ваша фотография долговечных зубов? А мне сказали: «Вы прекрасно, особенно Сая. Мы по вам будем собирать на своё продолжение». Я решила, что это для жилья и для честной еды в дороге. А оказывается, им наш общий стол нужно расписать кому-то на крошечные паи, чтобы улыбка была у каждого своя.

Я тоже вначале поднимала руку за эту схему. Сказать «сама дура» — это как дать пинка тесту, которое уже в печи, и ждать, что станет дрожжевое. Я хотела здесь маленький угол с кафе в то время, когда не все могут поесть в общей столовой. За комнату мне было нечем платить, да мне комната ни к чему. Столу, аппарату и двум лавкам хватило бы, людям всё равно, где ровно они сядут. Шесть метров, может быть, в одном углу. Мне сказали, голосни, мол, там в уставе имеется фраза «предпринимателю — общий двор по умеренной цене». Я и поставила свой хвост под фотографией. В тот момент все без меня были уверены, что прочитали бумагу, я глядела ей на оборот, как хозяйка читает меню, когда ей срочно надо другие деньги отложить на родного брата. Не говори мне, что я должна была внимательно перечесть. Я должна была не полагать себя умнее тех, кто уже тогда чертил свой метр себе под сиденье. И всё же, знаешь, если завтра открою кафе, ему будет имя как у нашей кассы при гостинице: «С добрым утром». Оно было единственное такое место, где стоял стул к дверям спиной, и если тебе не хочется

встречать нового человека, можно оставить спину в покое и поставить перед собой горячую тарелку. Я так и посажу того первого, кто останется здесь хватать новые квитанции. Господи, как мне хочется, чтобы этот человек просто заказал себе зелёное яблоко с тестом и не занимался моей политической грамотностью хотя бы десять минут в собственное утро.

Агля пришла вчера за лепёшкой. Вместо того чтобы признаться, что записала мои несколько утренних смен в колонку навечно, она мышки мне рассказала. У её Ули шевельнулась под столом такая пластиковая мышка, настоящий школьный радиопомощник, правильно её зовут. Сдержалась, чтобы не забыли, как мне дорого наше дурацкое соседство. Велела принести завтра всё, что когда-либо собиралась издать с моей подписью. Теперь ждём, что в документе руки Кима, а не только у Аги дома.

Твоя Сая.

* * *

В общую рассылку, для чтения вместо заявления председателя. Ким Руденко — жильцам.

Фотокопия плана публикуется утром. Штамп слева внизу я сам поставил, когда по очереди сдавали конструкции второй секции. Это моя подпись, я смог её узнать без увеличения, хотя тут три свидетеля предлагали разглядывать хоть до следующей смены. Механические работы по этой сделке, с моей точки зрения, сделаны целиком. Какой самый разумный способ покрыть расходы двора, будет известно после обсуждения. До этого ни один человек не лишится права войти в помещение. Из шести возможных поправок уже точно не пройдёт разве что странное предложение наносить личные метры потолка на внутренние подошвы сапог. Взгляд на них сильно зависит от того, стоять или лежать, и у техников сразу получилось преимущество на собраниях.

Если вам надо со мной поторговаться, я всё ещё слушаю. Когда мне говорят «мы не хотим воздуха на квартальной квитанции», я это понимаю. Если мне предлагают «пусть этого воздуха без всякой оплаты вовсе ни в каком месте не будет», я попрошу сказать, кому в таком случае надо прийти на работу. Если предлагают: «Поставить старика Гаевого в коридоре с кассой» — сразу откажусь, он нам ещё нужен как свободный человек с трубкой клея для колясок. Публичного прочтения всех приложений на сегодняшней встрече не обещаю: у меня три папки и на одну обязан согласовать обнародование частной переписки. У нас ещё десять солов до закрытия отчёта. Принесите ваши предложения до двести второго. То, что я здесь пишу, не избавляет меня от всех следующих рабочих дней и не превращает в большого злого героя вечерней новости, к сожалению кого-нибудь из школьников.

Ким Руденко, одна из шести голов без частной двери в колонии на 180 квартир.

Глава 6. Чашка на подоконнике

Сол 201. Четыре записки на пробковой стенке у окошка столовой. Составитель папки — Сая Юсупова. Старые цены в бланках закрашены владельцами.

1. Милая хозяйка. Я тебе две единицы задолжала после той ночи, когда у моего Георгия не стало сил наконец дозвониться до меня с Земли после той беды. Смешно про трёхпланетную беду писать сразу на коричневой квитанции, а другой нет. Я заставила тебя три раза кашу пересыпать: то горячая, то холодная, то одну ложку за двоих нельзя никому держать. Потом ушла, не посчиталась. Деньги у меня есть, незачем мне долг прощать. Приложены. Кроме тех денег я вернула твою ложку с белым камешком; была одна такая свадебная, я ею в общем доме ела, когда только приехала и всей жизнью упрямилась, что останусь только в гостях. Камешек прощупывала большим пальцем, удобно придать себе уверенность. Зови в следующий раз, когда нужен кто-то у горшков. Своё имя писать? Знаешь. Есть у тебя кто-то ещё со старшим морским Фросей, который болеет с той же важностью, что прежде давал советы?

2. Сая, дико прошу не судить папу. Он носит тебе на завтрак две белые чашечки, говорит, что своевременно оплачено, а я раньше думал, что он работает на раздаче и тут ему положено получить своё. Это я вторую чашечку со шкафа у тёти Меры временно взял, потому что хотел сладостями заняться. Говорят, в ней можно растопить тот земной шоколад, трёхлетний. Он уже не шоколад, он бабушкина пахучая таблетка. Если скажешь, что растопишь, в свободную субботу прихвати для него кусочек с яблочными нитками. За чашечку я могу заложить три починки, четыре стакана воды и радушную дочь, которая утром досыпает до самых взрослых наших порогов. Я этой дочери брат, мы живём вместе. Будить её к завтраку не надо, я пошутил, потому что очень боюсь у взрослых этой хитрой сдачи чужих имён куда-то в большой список. Я тот, который тогда у банок считал мошек. Семён-маленький, можно на М.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.